

Документальная основа прозы С. А. Шаргунова

Е. Ю. Вихрова

аспирант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью,
Тверской государственный университет.

Россия, г. Тверь. ORCID: 0000-0002-3644-6106. E-mail: katjalilija24@yandex.ru

Аннотация. Документальное начало играет большую роль в произведениях современного прозаика С. А. Шаргунова. Обращаясь к фактам собственной биографии, семейной истории и историческим документам, автор показывает взаимоотношение различных героев с православной верой. Христианская традиция является системообразующей для русской литературы. В современном литературоведении данная проблематика серьезно разработана.

Цель данной научной статьи – рассмотреть, как христианская традиция воплощается в произведениях современного писателя С. А. Шаргунова. Для реализации цели были поставлены следующие задачи: изучить двойственную роль автобиографического компонента в прозе С. А. Шаргунова; отметить, в каких случаях автобиографический материал служит воплощению христианской традиции в прозе, а в каких – становится постмодернистским приемом; выявить отношение автобиографического героя и вымышленных персонажей к православной традиции.

Для решения поставленных задач мы обратились к комплексному анализу, включающему генетический, структурно-типологический и сравнительно-исторический методы исследования.

Объектом исследования стала проза С. А. Шаргунова. Предмет исследования – отражение христианской традиции в прозе С. А. Шаргунова.

В данной статье на материале творчества С. А. Шаргунова апробируется тезис об обращении автора к ценностям христианства для создания образов своих персонажей, конструирования собственной художественной картины мира и для утверждения писателем идеи неразрывной связи православия со всей русской действительностью.

В данной статье мы приходим к выводам, что православная традиция занимает важное место в прозе С. А. Шаргунова. Именно обращаясь к автобиографическому компоненту, автор осмысляет роль православной традиции как в своей жизни, так и в современной русской действительности в целом.

Результаты исследования могут быть применены для подготовки спецкурсов по современной отечественной литературе.

Ключевые слова: документальное начало, автобиографизм, христианская традиция, современная литература, художественный метод.

Как отмечает Е. Г. Местергази, события, произошедшие в XX в., изменили приоритеты в литературе: на смену литературе вымысла приходит литература факта. Исследовательница пишет: «XX век, едва вступив в свои права, исторгнул человека из круга всего ему привычного, устойчивого и как бы само собой разумеющегося и одновременно вверх его в пучину доселе немислимых страданий, лишений и бед, сами меры человеческого подвига и падения оказались вдруг за гранью всех возможных представлений о них. Так действительность неожиданно оказалась фантастичнее вымысла, а факты – красноречивее слов» [13, с. 8].

Ю. Н. Мажарина свидетельствует, что в XXI столетии интерес к фактографии продолжает нарастать. Она так поясняет причину популярности литературы факта в наши дни: «Читатель сегодня требует “реальной жизни”: без художественных прикрас, редакционных стандартов, эстетической или идеологической цензуры» [12, с. 3].

В прозе С. А. Шаргунова документальное начало играет ведущую роль. Переосмысляя собственную жизнь, семейные предания, историю родной страны, писатель обращается к православной традиции.

Для нас представляет интерес, как с помощью фактов автор выражает свое отношение к православию, описывает восприятие веры различными героями.

Христианская традиция – это передача опыта христианской веры от поколения к поколению через приобщение к жизни Церкви, участие в богослужениях и церковных таинствах, установленных Церковью праздниках, усвоение христианского мировоззрения. Христианство основывается, прежде всего, не на формальном соблюдении ритуалов, а на личностном пере-

рождении, осознании присутствия в своей жизни живого Бога. Неисчерпаемость данной темы, ее глубина находят свое отражение в литературе.

Многие исследователи приходят к выводам о христоцентричности классической русской литературы в отличие от рационалистического содержания западного искусства. Так, например, М. Семон-Лосская пишет, что русское искусство «пропитано православным христианством» [10, с. 29–30].

Философы, культурологи и литературоведы подчеркивали, что даже в эпоху СССР при официально утвержденном атеистическом мировоззрении связь между православием и русской литературой не была нарушена, но приобрела более сложный характер. Так, А. Л. Казин пишет: «Православная христианская вера не исчезла из русской культуры после 1917 года, но продолжала жить в ней на всем протяжении советского периода отечественной истории (как в СССР, так и в русском Зарубежье), и продолжает жить в ней до сих пор» [6, с. 7].

Отражение православных реалий в современной русской литературе отмечают такие исследователи, как В. А. Котельников [7], А. М. Любомудров [11], И. С. Леонов [8], И. А. Казанцева [4], И. А. Есаулов [3] и др.

Ученые констатируют преодоление русской литературой периода увлечения постмодернистской культурой и возврат к традиционным ценностям. А. Л. Казин утверждает, что, несмотря на господство постмодернистской культуры на Западе, на русской почве постмодернизм в полной мере не смог развиваться, так как «для России “нужна другая мысль, другая формула” (А. С. Пушкин). В основе русской цивилизации лежит православное христианство» [5, с. 201]. Обращение современных писателей к православной традиции Н. В. Пращерук соотносит с изменениями, происходящими в общественной жизни. Исследовательница подчеркивает возрастание у широкого круга читателей потребности в познании православной веры [14]. А. М. Любомудров, характеризуя современную русскую словесность, пишет, что и спустя век в отечественной литературе вновь возникает феномен, который в критике получил название «православного реализма» [11, с. 242]. Исследователь отметил, что новые реалисты поднимают проблемы взаимоотношения литературы и Церкви, ссылаясь на творчество И. С. Шмелева и Б. К. Зайцева. А. М. Любомудров говорит о возможной преемственности их опыта новым поколениям.

С. А. Шаргунов, раскрывая внутренний мир персонажа, следует традиции русской литературы в обращении к документальному началу. Но в то же время авторские «находки», факты, становятся строительным материалом для создания метарассказа, то есть постмодернистским приемом. Из готового набора фактов писатель конструирует различные художественные миры. О двойственной роли автобиографического материала в прозе «новых реалистов» С. А. Шаргунова и Захара Прилепина рассуждает И. А. Богатырева: «И один, и другой автор успешно создают себе образ как раз “честного человека”, умело вкрапляя элементы автобиографии в свои романы и придавая художественным произведениям публицистическую остроту. <...> Между тем для профессионального читателя очевидны художественные приемы, к которым прибегают Шаргунов и Прилепин» [1, с. 76].

Немаловажное значение в обращении С. А. Шаргунова к документальному началу в прозе имеет его журналистская деятельность. Вот как писатель характеризует свое журналистское творчество: «...мне помогала журналистика, когда я работал в Комитете по безопасности Госдумы и специальным репортером в одной столичной газете и занимался ни в коем случае не литературой, а обжигающей жизнью. <...> Бывают стихи в прозе, а еще бывают стихи в публицистике. <...> я вел летопись своей борьбы <...> я взялся за “психоделическую аналитику”, синтез импрессионизма и чеканных формул, интуиции и выкладок» [15]. В прозе С. А. Шаргунову также важно освещать то, что происходит «здесь и сейчас», отражать актуальные на сегодняшний день проблемы.

О публицистическом характере творчества писателя А. И. Богатырева говорит следующее: «Стремясь писать о дне сегодняшнем правдиво и откровенно, автор обращается к реальным событиям. <...> Автобиографизм и злободневность подпитывают друг друга, выливаясь в публицистичность» [1].

Сам писатель в манифесте «Отрицание траура», объясняя востребованность творчества неореалистов среди широкого круга читателей, так характеризует роль автора в современном литературном процессе: «Молодой человек инкрустирован в свою среду и в свою эпоху, свежо смотрит на мир. <...> Реализм, нескончаемо обновляясь вместе с самой реальностью, остается волшебнее моложе постмодернизма. Типаж сохраняет знакомые (хоть по Фонвизину,

хоть по Теккерею) черты, типаж жив, увлекательно отмечать в нем перемены в свете новых обстоятельств. Вот они, истинные бесчисленные фокусы!» [18].

В прозе С. А. Шаргунова большой пласт автобиографического материала связан с православной традицией, которая становится объектом и серьезных авторских раздумий, и постмодернистской игры. Сам автобиографический материал зачастую выступает как строительный материал для создания художественной картины мира.

Характеризуя творчество современных писателей, Ж. Голенко отмечает следующее: «Подлинность субъективного, а не истина объективного – вот вектор нынешней игры. Отсюда смена универсального опыта жизни опытом индивидуальным – story, главенствующая над history» [2].

С одной стороны, С. А. Шаргунов проводит своеобразный эксперимент в наделении вымышленных персонажей автобиографическими деталями (например, именем), приписывании им личных воспоминаний, поступков, что создает эффект единства всех произведений, целостности художественного мира автора. Такая игра позволяет показать множество возможных вариаций одного и того же события, осветить различное отношение героев к конкретному факту. Например, если для героя автобиографической повести «Книга без фотографий» поездка в Чечню – показатель храбрости и личного безрассудства, молодецкой удали, то для безразличного ко всему героя повести «Птичий грипп» Степана Неверова такая поездка – слабая надежда пробудить хоть какие-то эмоции. Или, к примеру, в рассказе «Замолк скворечник» автобиографический герой вспоминает свою первую любовь: «...я, 19-летний, стоял на Пятницкой вместе с шелудивым молодняком. <...> Я хотел увидеть ее – о, вот и увидел: лукаво усмехается, кожанка, красный рот, какой-то коктейль в жестянке» [17, с. 141]. Описанию безымянной девушки уделено всего несколько строк, но читатель, знакомый с первой повестью автора «Малыш наказан», узнает в этом кратком описании главную героиню первой повести Полину. Полина – роковая женщина, которая сводит с ума подростка Локоткова, заставляя его мучиться ревностью. Прощается с неудачным любовным опытом писатель в программной повести «Ура!», утверждающей всецело позитивное отношение к жизни. Главный герой повести Павел Уражцев приемами воина, бойца «расправляется» с главным врагом хорошего настроения, а, следовательно, и здорового образа жизни, бывшей возлюбленной:

– Па-авел? – вкрадчиво звучит в телефоне. – Привет, это Алиса, – голый обиженный голос.

– Я не хочу с тобой разговаривать, – отвечаю я и вешаю недавнюю любовь.

Тугое ее тело покачивается на виселице, взбалтывая мрачными грудями.

Зовут меня Уражцев Павел, мне двадцать, на дворе – двухтысячный год, и я ищу хорошей любви [20].

С другой стороны, в очерковой автобиографической повести «Книга без фотографий», в рассказах, где главным персонажем является автобиографический герой, мы видим не только игру смыслами, но, прежде всего, гипертрофированную обнаженность авторского «я». Такая чрезмерная открытость героя сопоставима с таинством исповеди. Только в данном случае герой поверяет свою жизнь и душевные переживания читателю, а не священнику.

Предельная «нагота» свойственна древнерусскому подвижнику – юродивому. Подробно функцию наготы юродивого разъясняет А. М. Панченко: «Задумав юродствовать, человек оголяется» [9, с. 92]. Исследователь подчеркивает, что нагота юродивого – это не только отказ от одежды. К функции наготы ученый сводит и отказ юродивых от родственных связей, отсутствие оседлости, непризнание общественных ценностей. Нравственная идея наготы – презрение к плоти.

Можно сказать, что и выворачивание своего внутреннего мира наизнанку, выставление напоказ порой даже постыдных мыслей или происшествий – это тоже обнажение, смелое и по-юродски провокационное. Таким образом, юродствование становится приемом и переносится в авторскую сферу. Например, автобиографические персонажи раскрывают перед читателем не только светлые, но и темные стороны. Так, в повести «Книга без фотографий» автор воспроизводит следующий эпизод: «Дискотека в подполе возле физкультурного зала. <...> Запрокинув голову, лью бутылку в себя – буль-буль-буль – и не чувствую вкус водки. Забыть. Вспышка. Тьма. Поет Таня Буланова. «Ясный мой свет...» Опять? Чьи-то губы. Поцелуй. Глажу длинные волосы. Олеся? Яна? Зиночка? Таня Буланова? Вспышка. Раковина. Холодная вода заливает лицо. Вспышка. Холодно. Очень холодно. Стою под метелью, в одном свитере, это ясно, ведь холодно же ужасно, и качаюсь. <...> Провал» [17].

В автобиографических повестях и рассказах важна точка зрения ребенка. Ребенок в художественной картине мира С. А. Шаргунова – персонаж, который улавливает невидимый для

взрослых зазор между внешним и внутренним. Например, в рассказе «Правда и ложка», вышедшем в сборнике рассказов 2018 г. «Свои», именно ребенок подмечает актерство родственника семьи, народного артиста СССР Сергея Герасимова при чтении им Символа веры. Молитва становится своеобразным жестом, попыткой светского человека войти в круг «своих», продемонстрировать семье священника свои познания в области православной культуры: «Герасимов же, видимо, желая показать, что не чужд духовному, прочитал Символ веры наизусть глубоким голосом. Как будто сейчас по-слоновьи вострубит. Так что под конец я не выдержал и ткнул его в пузо пальчиком. <...> Он дочитал Символ веры, но попович приметил: не осенил себя крестным знамением» [19, с. 67–68].

Несмотря на церковное воспитание, автобиографический герой С. А. Шаргунова, возвращаясь к воспоминаниям о детстве, подчеркивает, что православие по своей сути оставалось для него чуждым, недоступным. Так, например, в рассказе «Замолк скворечник» герой отмечает лишь свое внешнее, формальное присутствие на отпевании Анастасии Ивановны Цветаевой, мысли же маленького алтарника заняты в этот момент первыми романтическими мечтами: «Я стоял в стихаре со свечой, и жарко косился на хорошенькую правнучку покойной, румяно-смуглую, с наливными щечками в милой шерстяной бежевой шляпке, и хотел выглядеть загадочным» [19, с. 138–139]. Перенасыщенность церковной атрибутикой, погружение в формальную сторону богослужений и книжные познания заслонили собой главный религиозный посыл – путь любви и сострадания к ближнему. Теория оказалась в отрыве от практики. Церковь в восприятии героя-ребенка не связана с реальностью, поэтому в пространстве храма ребенок мечтает о приключении или любви, оставаясь безучастным к жизни самой Церкви. Но герой проявляет милосердие в обычной бытовой ситуации, спасая невзрачных насекомых от издевательств товарищей в рассказе «Теплая тайна». Столкнувшись с вежливым равнодушием американских врачей в рассказе «Сахар на рану», герой понимает изнутри необходимость сострадания ближнему.

Совершенно иное отношение к православию показано через прием обращения уже взрослого героя к документальному источнику. Автор приводит слова духовных лиц из их дневников, подчеркивая пророческий дар служителей Церкви. Сам факт осмысления фрагментов дневника духовного лица свидетельствует о глубоком почтении героем Церкви: «А вот из жизни самого протоиерея Митрофана. Незадолго до февральской революции он пришел на литургию в большом волнении и, прежде чем начать служить, позвал к себе в алтарь великую княгиню и рассказал ей свой предутренний “тонкий сон”. <...> Через два года ее сбросили в шахту на Урале» [19, с. 126].

В прозе С. А. Шаргунова вымышленные персонажи также размышляют о православных реалиях, выражая свое отношение к вере. Так, в повести «Как меня зовут?» Андрей Худяков часто размышляет о православной вере. Его сомнения в истинности православия переключаются с воспоминаниями героя повести «Книга без фотографий». Например, сказанное проявляется в восприятии чуда, герой так реагирует на слова своей девушки Тани о благодатном огне: «Розыгрыш – твой огонь. Жулик в алтарь зашел, испросил у небес прощения, достал из одежд зажигалку, зелененую, с белыми буквами “cricket”. Допросить бы этого патриарха, прижать к ногтю, опрятного, расчесанного: как? Прямо по плану: заперся в алтаре? И капли огня? А где твоё потрясение? Ты ещё жив? Откуда дежурность такая в повадках?» [16, с. 141–142]. И если у Андрея Худякова, в детстве побывавшего на Святой земле, предвзятое отношение к вере, то у автобиографического героя-ребенка «Книги без фотографий» – равнодушное: «Святитель Николай покрылся влагой, и отец служил молебен. Я стоял боком к иконе, держал перед отцом книгу, тот, дочитав разворот, перелистывал страницу. А я косился на загадочный, желто-коричневый, густой, как слиток меда, образ, по которому тянулись новорожденные сверкающие полосы. После вслед за остальными целовал, вдыхая глубоко сладкий мягкий запах. Целуя, подумал: «Почему, почему же я равнодушен?» [17].

Фальшивую веру, показную восторженность подмечает автобиографический герой «Книги без фотографий» у воспитанников православной гимназии: «...Я посмеивался, когда звонкими голосами они отвечали у доски про Иисуса и смоковницу, как будто про Ильича и снегирей» [17]. Автор описывает контраст между словом и делом, сопоставляя пламенные речи учащихся о любви к ближнему на уроке и жестокий «расстрел» ими чужака во дворе школы снежками: «На этом занятии все звонко и подобострастно отвечали. Но настала перемена, мы высыпали во двор, я отошел от гимназии, и мне отрезали путь. И начался расстрел. Безо всякого повода. Сговорились – и открыли пальбу. Они лупили меня снежками сразу все семеро. В лицо, в голову! Они орали: “Козел! Придурок! Сатана!”» <...>

– Стойте! Вы все ввали! Вы все ввали! На Законе Божьем! – закричал я, с ног до головы белый [17].

Скептическую позицию по отношению к православию занимает герой романа «1993» Виктор Брянец, тоже критикуя внешнюю сторону религии: «У вас через день: то праздник, то пост, то праздник, то пост» [21].

Отец Андрея Худякова, Владимир Худяков, священник. Обращение к автобиографическому материалу становится важным принципом в создании образа героя. Несмотря на усвоенный с детства православный «этикет», Андрей Худяков, подобно автобиографическому герою-подростку С. А. Шаргунова, оказывается знаком только с внешней обрядовой стороной христианства и не понимает внутренней религиозной глубины. Следствием этого становится его сопротивление религиозной «лжи», стремление к истине. Проблема правды и лжи поднимается уже в названии повести «Как меня зовут?». Так же отражаясь в названии произведения, интересно преломляется тема вымысла и правды в рассказе «Правда и ложка», где художественная деталь становится звеном, связующим все события воедино.

В повести «Как меня зовут?» о своих предках, с которыми знаком только понаслышке, Андрей Худяков говорит следующее: «Еще в избе ютились материнские родители. Имена – подкидыши из святцев. Нил – рыбак, влюбленный во все соленое, обучавший: “Стол – Божья ладонь”, “Поел – скажи: слава Богу, бабушке спасибо”. Манефа – из глазниц болотные огоньки» [16, с. 10]. В произведении сделан акцент на православной традиции наречения младенцев именами. Самый известный святой с именем Нил – Нил Столобенский. Одновременно этот святой ассоциируется с водной стихией, так как его подвижничество проходило на острове. Святых с редким именем Манефа известно только две – мученица Манефа Кесарийская (Палестинская), которая за преданность Христу была сожжена на костре, и родившаяся в селе Севруки под Гомелем Мария Скопичева, которую в постриге нарекли Манефой. Однако автор дает именам из святцев характеристику – «подкидыши», обозначая таким образом их неродственность, несоответствие носителям имен, но характеры самих лиц опровергают это определение, так как, например, Нил – и чтит Бога, и любит соленое, связанное с морем. Таким образом, усиливается мотив несоответствия имени его носителю: Андрей не принимает не только свое имя, такими же чужими ему видятся имена, данные его предкам. Именно отсутствие у героя твердой веры и поверхностное знакомство с историей своего рода ставит перед ним задачу понять себя, найти взаимосвязь своего мира с именем. Так как для С. А. Шаргунова очень важна тема собственного рода, своих корней, мы можем заметить, что образ рыбака Нила тоже «списан» с реальности. В «Книге без фотографий» бабушка рассказывает внуку о его прадедушке: «Мой прадед, Алексей Акимович, рыбак, крупной солью, как инеем, покрывал все, что ел. <...> В глубокой старости, когда отнялись ноги, он горше всего переживал невозможность рыбачить – со слезами полз к реке» [17]. В повести «Как меня зовут?» образ прадеда благодаря вымышленному имени Нил еще теснее сопрягается с православной традицией.

Тема имени – одна из наиболее важных в творчестве С. А. Шаргунова. Наиболее полно она отражается в эссе «Мой батюшка», где автобиографический герой размышляет о странном, словно инопланетном, имени своего отца – Винцент, данном при рождении. Автор упоминает и о втором имени отца, полученном в крещении – Александр. Для нас важно, как феномен имени, наследуя православную традицию, преобразуется в светском произведении, подчиняясь авторскому замыслу. В эссе представлена точка зрения ребенка на непонятную для него ситуацию, связанную с настоящим именем отца: «Первое и главное мое впечатление: я не знал, как зовут отца. “Чучуха”, иногда ласково говорила ему мама. “Винцент!” – окликала раздраженно. “Батюшка!” – восклицала крестная. На улицах, когда у меня спрашивали: “А как зовут твоего папу?” – я терялся, а он, оказавшись рядом, представлялся: “Александр Иванович”. <...> Я относился поначалу к папе с тревогой» [19, с. 109–110]. Мы видим, как реальный факт, взятый за основу из жизни – непонимание ребенком, какое же из всех возможных наименований является настоящим именем отца – претворяется в других произведениях С. А. Шаргунова. Так, Андрей Худяков задается вопросом о связи его имени собственного с его внутренней сутью. Также герой признается возлюбленной, что вынужден жить и печататься под чужими именами.

Аналогичная ситуация происходит с подростком Варей из рассказа «Пригвожденный», только вместо имени девочка не в состоянии примириться со своей невыразительной внешностью. И лишь совершенный Варей добрый поступок меняет ее восприятие.

С. А. Шаргунов не только наделяет вымышленных персонажей автобиографическими чертами, писатель включает в рассказы, где герой является автобиографическим, вымышлен-

ные детали. Например, в повести 2006 г. «Как меня зовут?» Андрей Худяков, задумавшись о своей девушке Тане, определяет ее имя эпитетом «земляничное». В рассказе «Ты – моя находка», вошедшем в сборник «Свои» (2018), уже автобиографический герой говорит о «земляничном» имени своей жены. Особенность творчества С. А. Шаргунова – наделение абстрактных понятий конкретным, буквальным содержанием. Поэтому в «магнитном поле брака» [19, с. 214] появляется «ягодное» имя. Другой вариант отражения в более поздних произведениях уже озвученных ранее идей – моделирование свадебной ситуации в рассказе «Ты – моя находка»:

– Ура! – кричали, обступая нас, свадебные люди, и я отвечал им: «Ура!», весело поднимаясь по ступенькам с невестой [19, с. 210].

В повести «Ура!» 2012 г. автор пишет: «Я предлагаю вам новый миф о Древе Ура. <...> Корни костистые, плоды красные, и кора... Толстенная кора! Ура!» [20]. Мотив плода, в частности, образ семьи как продолжение рода, является сквозным в творчестве С. А. Шаргунова и перекликается с евангельской притчей о бесплодной смоковнице.

Таким образом, мы видим, как, обращаясь к фактическому материалу, писатель отражает в своих произведениях православную традицию. С одной стороны, документальное начало позволяет автору выразить неоднозначное отношение к православной вере, отразить моменты сомнений в душе героев и яростного отрицания религиозной «лжи», отметить неприятие героями чисто внешней религиозной стороны и поиск религиозного содержания, духа любви. Обращение к автобиографическому материалу отражает авторскую позицию: писатель осмысляет свое личное отношение к православию и подчеркивает тесную связь православия со многими сторонами русской жизни, например, с традицией наречения новорожденных именами, с обычаями предков, историей рода. С другой стороны, в рассказы с автобиографическим героем вносятся художественные элементы из более ранних произведений. В данном случае автобиографический материал выступает лишь основой для конструирования авторской художественной модели реальности.

Список литературы

1. Богатырева А. И. Автобиографизм в творчестве «Новых реалистов» (на примере З. Прилепина, С. Шаргунова) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 12 (12). С. 74–83.
2. Голенко Ж. Каждый текст – автобиография. Вопрос лишь: какая? // Журнальный зал: «Вопросы литературы». 2013. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2013/1/g28.html> (дата обращения: 09.04.2022).
3. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. 288 с.
4. Казанцева И. А. Православная аксиология в русской прозе XX–XXI веков : дисс. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2011. 483 с.
5. Казин А. Л. Событие искусства: классика, модерн, постмодерн в пространстве русской культуры. СПб., 2020. 244 с.
6. Казин А. Л., Дмитриева М. А., Сокурова О. Б. и др. Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX – начала XXI века. 1917–1934 / под ред. А. Л. Казина. СПб., 2016. Т. 1. 544 с.
7. Котельников В. А. От редактора // Христианство и русская литература. СПб. : 1996. Сб. 2. С. 3–8.
8. Леонов И. С. Православная художественная проза XXI века: типология и поэтика : дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2019. 39 с.
9. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. 295 с.
10. Лосская-Семон М. В. О религиозном призвании русской литературы // Русская литература. 1995. № 1. С. 29–30.
11. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003. 272 с.
12. Мажарина Ю. Н. Мемуарные портретные очерки Б. К. Зайцева: особенности поэтики : дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014. 172 с.
13. Местерази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века) : дисс. ... докт. филол. наук. М., 2008. 49 с.
14. Пращерук Н. В. Современная духовная проза: традиция, смыслы, поэтика : учеб. пособие / М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2018. 110 с.
15. Прилепин З. Сергей Шаргунов. Будет ярко и жарко! // Захар Прилепин: официальный сайт писателя. URL: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/sergei-shargunov-budet-yarko-i-jarko.html> (дата обращения: 07.03.2022).
16. Шаргунов С. А. Как меня зовут? Малыш наказан. М., 2006. 288 с.
17. Шаргунов С. А. Книга без фотографий. URL: <http://shargunov.com/kniga-bez-fotografii.html> (дата обращения: 18.02.2022).

18. Шаргунов С. Отрицание траура // Новый мир. 2001. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov.html (дата обращения: 17.04.2022).
19. Шаргунов С. А. Свои. М., 2018. 345 с.
20. Шаргунов С. А. Ура! URL: <https://shargunov.com/ura.html> (дата обращения: 14.02.2022).
21. Шаргунов С. А. 1993. URL: <https://shargunov.com/proza/1993.html> (дата обращения: 15.03.2022).

The documentary basis of S. A. Shargunov's prose

E. Yu. Vikhrova

postgraduate student of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University.
Russia, Tver. ORCID: 0000-0002-3644-6106. E-mail: katjalilija24@yandex.ru

Abstract. The documentary beginning plays an important role in the works of the modern prose writer S. A. Shargunov. Referring to the facts of his own biography, family history and historical documents, the author shows the relationship of various heroes with the Orthodox faith. The Christian tradition is a system-forming one for Russian literature. In modern literary studies, this problem has been seriously developed.

The purpose of this scientific article is to consider how the Christian tradition is embodied in the works of the modern writer S. A. Shargunov. To achieve the goal, the following tasks were set: to study the dual role of the autobiographical component in S. A. Shargunov's prose; to note in which cases the autobiographical material serves to embody the Christian tradition in prose, and in which cases it becomes a postmodern device; to identify the attitude of the autobiographical hero and fictional characters to the Orthodox tradition.

To solve the tasks set, we turned to a comprehensive analysis, including genetic, structural-typological and comparative-historical research methods.

The object of the study was the prose of S. A. Shargunov. The subject of the study is the reflection of the Christian tradition in the prose of S. A. Shargunov.

In this article, based on the material of S. A. Shargunov's work, the thesis is tested about the author's appeal to the values of Christianity to create images of his characters, construct his own artistic picture of the world and to affirm the writer's idea of the inseparable connection of Orthodoxy with the whole Russian reality.

In this article we come to the conclusion that the Orthodox tradition occupies an important place in the prose of S. A. Shargunov. It is by referring to the autobiographical component that the author comprehends the role of the Orthodox tradition both in his life and in modern Russian reality as a whole.

The results of the study can be applied to the preparation of special courses on modern Russian literature.

Keywords: documentary beginning, autobiography, Christian tradition, modern literature, artistic method.

References

1. Bogatyreva A. I. *Avtobiografizm v tvorchestve "Novyh realistov" (na primere Z. Prilepina, S. Shargunova)* [Autobiography in the work of the "New Realists" (on the example of Z. Prilepin, S. Shargunov)] // *Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* – Scientific herald of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2014. No. 12 (12). Pp. 74–83.
2. Golenko Zh. *Kazhdyj tekst – avtobiografiya. Vopros lish': kakaya?* [Each text is an autobiography. The only question is: which one?] // *Zhurnal'nyj zal: "Voprosy literatury"* – Magazine hall: "Questions of literature". 2013. No. 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2013/1/g28.html> (date accessed: 09.04.2022).
3. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoj literature* [Category of conciliarity in Russian literature]. Petrozavodsk. 1995. 288 p.
4. Esaulov I. A. *Pravoslavnyaya aksiologiya v russkoj proze XX–XXI vv.* [Orthodox axiology in Russian prose of the XX–XXI centuries : diss. ... Dr. phil. Sciences]. Tver. 2011. 483 p.
5. Kazin A. L. *Sobytie iskusstva: klassika, modern, postmodern v prostranstve russkoj kul'tury* [Art event: classics, modern, postmodern in the space of Russian culture]. SPb. 2020. 244 p.
6. Kazin A. L., Dmitrieva M. A., Sokurova O. B. etc. *Sud'by russkoj duhovnoj tradicii v otechestvennoj literature i iskusstve XX – nachala XXI veka. 1917–1934* [The fate of the Russian spiritual tradition in Russian literature and art of the XX – early XXI century. 1917–1934] / ed. by A. L. Kazin. SPb. 2016. Vol. 1. 544 p.
7. Kotel'nikov V. A. *Ot redaktora* [From the editor] // *Hristianstvo i russkaya literatura* – Christianity and Russian literature. SPb. 1996. Coll. 2. Pp. 3–8.
8. Leonov I. S. *Pravoslavnyaya hudozhestvennaya proza XXI veka: tipologiya i poetika : diss. ... d-ra filol. nauk* [Orthodox fiction of the XXI century: typology and poetics : diss. ... Dr. Phil. Sciences]. Volgograd. 2019. 39 p.
9. Lihachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. *Smekh v Drevnej Rusi* [Laughter in Ancient Russia]. L. 1984. 295 p.
10. Losskaya-Semon M. V. *O religioznom prizvanii russkoj literatury* [On the religious vocation of Russian literature]. 1995. No. 1. Pp. 29–30.

11. Lyubomudrov A. M. *Duhovnyj realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B. K. Zajcev, I. S. Shmelev* [Spiritual realism in the literature of the Russian abroad: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev]. SPb. 2003. 272 p.
12. Mazharina Yu. N. *Memuarnye portretnye ocherki B. K. Zajceva: osobennosti poetiki : diss. ... kand. filol. nauk* [Memoir portrait essays by B. K. Zaitsev: features of poetics : diss. ... PhD in Philological Sciences]. Voronezh. 2014. 172 p.
13. Mestergazi E. G. *Hudozhestvennaya slovesnost' i real'nost' (dokumental'noe nachalo v otechestvennoj literature HKH veka) : diss. ... dokt. filol. nauk* [Artistic literature and reality (the documentary beginning in the Russian literature of the twentieth century) : diss. ... Dr. Philol. Sciences]. M. 2008. 49 p.
14. Prashcheruk N. V. *Sovremennaya duhovnaya proza: tradiciya, smysly, poetika : ucheb. posobie* [Modern spiritual prose: tradition, meanings, poetics : manual] / Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Ural Federal University. Yekaterinburg. 2018. 110 p.
15. Prilepin Z. *Sergej Shargunov. Budet yarko i zharko!* [Sergey Shargunov. It will be bright and hot!] // Zahar Prilepin: oficial'nyj sajt pisatelya – Zakhar Prilepin: the official website of the writer. Available at: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/sergei-shargunov-budet-yarko-i-jarko.html> (date accessed: 07.03.2022).
16. Shargunov S. A. *Kak menya zovut? Malysh nakazan* [What is my name? The kid is punished]. M. 2006. 288 p.
17. Shargunov S. A. *Kniga bez fotografij* [Book without photos]. Available at: <http://shargunov.com/kniga-bez-fotografij.html> (date accessed: 18.02.2022).
18. Shargunov S. *Otricanie traury* [Denial of mourning] // *Novy mir* – New world. 2001. No. 12. Available at: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2001/12/shargunov.html (date accessed: 17.04.2022).
19. Shargunov S. A. *Svoi* [His]. M. 2018. 345 p.
20. Shargunov S. A. *Ura!* [Hurrah!] Available at: <https://shargunov.com/ura.html> (date accessed: 14.02.2022).
21. Shargunov S. A. *1993* [1993]. Available at: <https://shargunov.com/proza/1993.html> (date accessed: 15.03.2022).